

«ТВАРЬ ЛИ Я ДРОЖАЩАЯ или право имею?»: О свободном ребёнке в свободной стране...

Татьяна Алпатова, кандидат филологических наук

Беларусь. Яркий день осени. В солнечных бликах золотятся осенние листья, а за большой рекой — город с костёлами и высокими современными домами. Но главное здесь — лица людей, старых и молодых, светящиеся и удивительно приветливые. За окном, по окружённому соснами школьному двору, бегают ребята — как и все дети, играют в салочки, шумят. Вот только... Не услышишь злобного окрика или ругани. И игра — без ставшей привычной жестокости к тем, кто медлительнее. И веселье — без насмешки. И глаза — без сигаретно-пивной мути.

Уж так устроен человек, что с возгласа «Я сам!» начинается всякое взросление. Однако... В популярном психологическом детективе привлекла внимание сцена: Один раз я попыталась было заняться воспитанием Кирюшки с Лизаветой и произнесла сакраментальную фразу: — Вот когда я сама была маленькой, дети вели себя совершенно по-другому...

Сладкая парочка перестала драться, повернула ко мне разгоряченные лица и обрушила на голову незадачливого «Макаренко» гневную отповедь.

— В твоё время < ... > дети ходили строем, в одинаковой одежде, не имели компьютера!..

— И видика... <...> Ужас! Каменный век! Естественно, старики издевались над детьми, как хотели.

— Сама говорила, что тебе разрешали смотреть телек только двадцать минут в день! <...>

— Отстой, — хором сообщили Кирюшка с Лизаветой и упоенно продолжили драку.

(Дарья Донцова. Фиговый листочек от кутюр. М., 2003. С. 7.)

И дело даже не в том, что в сознании ребят сформирован некий совершенно фантастический образ

«империи зла», в которой не было компьютеров, видеков, плееров и других новинок цивилизации (страшно представить, в какой «империи зла» жил, согласно такой логике, Пушкин-лицеист: бедное дитя даже не слышало не только о компьютере, но и о шариковой ручке, об электрическом освещении!). Куда более печально, что взрослый человек — человек, помнящий, что и одинаковая одежда, и школьные строгости, и задание читать на лето — нечто совсем иное, нежели рабовладельческий строй и каменный век, — все же не может ничего возразить «племени младому, незнакомому», словно тут некий комплекс вины.

И вот уже приходилось слышать, как комментируют современные ребята стихи: по их словам, «пионерский лагерь был чем-то вроде концентрационного», «идеология была везде», а строчка о том, что жена явилась в дом «с ангорским котом», воспринимается нынешними ребятами как указание на то, что «в Советском Союзе было трудно достать меха, и поэтому женщины были вынуждены носить одежду из кошек».

Нам не дано знать, какой была жизнь до нас. Наверное, поэтому и важно воспитание — единственная возможность не позволить распасться связи времён. Той связи, которая позволяет всем нам оставаться людьми.